НИКОЛАЙ ТАРАТУХИН

С гитарой по жизни

ВОСПОМИНАНИЯ

Николай Таратухин

С гитарой по жизни. Воспоминания

«Издательские решения»

Таратухин Н.

С гитарой по жизни. Воспоминания / Н. Таратухин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746328-1

Автобиографическое издание «С гитарой по жизни» повествует об одном из тех, кого сейчас называют «детьми войны». Им пришлось жить как раз в то время, о котором кто-то сказал: «Не дай Бог жить в эпоху перемен». Людям этого поколения судьба послала и отечественную войну, и «окончательно построенный социализм», а затем его крушение вместе со страной, которая вела к «светлому будущему». Несмотря на все испытания, автор сохранил любовь к музыке и свое страстное увлечение классической гитарой.

ISBN 978-5-44-746328-1

© Таратухин Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 7
Часть первая. До шестнадцати и старше 8
Мой первый учитель – бондарь, а второй – гитарист 8
Детство опаленное войной 9
Отец 11
Мать 13
Подхватил туберкулез 18
«Отца убила война окаянная, а мать от горя и досады умерла…» 21
Судьба играет человеком, а человек на гитаре 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

С гитарой по жизни
Воспоминания

Николай Таратухин

© Николай Таратухин, 2017

ISBN 978-5-4474-6328-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Таратухин

Предисловие

Биографических книг в мире существует огромное количество. В основном, это книги о жизни замечательных людей, очень известных и знаменитых. Они написаны или историками, или писателями-биографами на основе изучения документов и других материалов, касающихся той или иной умершей личности. Обычно для придания повествованию большей достоверности и живости, авторы призывают на помощь свою фантазию и способности вживаться в образ, создают такие эпизоды из бытия своего героя, о которых он при жизни, возможно, даже не подозревал. Конечно, писать о тех, кто умер гораздо легче, как говорил Дмитрий Донской: «…мертвые сраму не имут». Им можно приписывать все: мысли, фразы, которые они могли говорить, но никогда не говорили, даже поступки, которые они могли совершать, но никогда не совершали. И если автор максимально вжился в образ – мы ему верим и у нас создается впечатление правдивости. Но это только впечатление. А было ли все так? Об этом мы не узнаем никогда.

Другое дело, когда биографическое повествование написано самим автором. Здесь мы читаем первоисточник и все, что касается жизни автора, у нас не вызывает сомнения. Нам известны прекрасно написанные биографические произведения Л. Н. Толстого, Максима Горького и А. П. Чехова с его, ставшим крылатым, выражением: «…в детстве у меня не было детства». Примеров такой литературы можно приводить бесконечное множество и большинство из них будут о жизни выдающихся людей. И я подумал: а не написать ли мне повествование о жизни ничем не примечательного, обыкновенного человека? Человека, прожившего свой век как раз в то время, о котором кто-то сказал: «Не дай Бог жить в эпоху перемен». Людям моего поколения Бог послал и Отечественную войну, и «окончательно построенный социализм», а затем его крушение вместе со страной, которая вела нас к «светлому будущему». Сейчас мы переживаем новое время, но нельзя забывать и то, что было с нами после войны. «Дети войны» – это о нас еще очень мягко сказано. Что мне пришлось пережить во время войны и после неё – вот о чём я попытался здесь рассказать.

Часть первая. До шестнадцати и старше

Мой первый учитель – бондарь, а второй – гитарист

…Я теперь скупее стал в желаньях
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
проскакал на розовом коне…
С. Есенин

Детство опаленное войной

Все биографические повествования обычно начинаются с детства. Я попытался начать свое повествование с юности, но ничего у меня не получилось – раз за разом я вынужден был делать экскурсы в ту прекрасную пору жизни, которая называется детством. Оно у меня все же было, пусть изуродованное войной, замученное голодом, болезнями, но было.

Я родился в городе Бахчисарае летом 1936 года. Детство мое проходило, в основном, в Крыму. Помнить себя начал, примерно с двух лет. В это время у нас в семье родился мой младший брат. Он прожил всего около года и умер от кровавого поноса. Помню, отец нес маленький гробик по крутому склону городского кладбища, а мать шла рядом и плакала. Пока родители строили свой дом, жили мы тогда в доме барачного типа для рабочих эфиромасличного комбината, где и трудились мои родители, а я со своими сверстниками – ребятней трех, пяти лет, уходил гулять в поля комбината, засеянные шалфеем, лавандой и другими целебными травами. Особенно любили мы бродить по плантациям крымской розы, ровные ряды которой простирались на многие километры. Ее лепестки очень вкусные и мы ими наедались до отвала. Когда начинался сезон уборки лепестков, на плантации съезжались наемные рабочие и наш рацион сокращался. Но мы находили замену лепесткам. Это были приторно сладкие черные ягоды паслена. От них иногда побаливал живот, но мы все равно продолжали лакомиться этими такими доступными угощениями природы.

Я часто болел простудными болезнями и когда кашель становился невыносимым, мать делала мне согревающие водочные компрессы. Растирала грудь и спину руками, смоченными водкой, обкладывала вощеной бумагой и закутывала шерстяным платком. После всего этого укладывала в постель, накрывая одеялом. Эта мучительная процедура мне не очень нравилась: становилось жарко, пот заливал все тело, но как ни странно, она заканчивалась моим выздоровлением.

Война, как гром среди ясного неба, всех нас застала врасплох. На городской площади столпившиеся люди слушали сообщения Москвы у прикрепленного к столбу громкоговорителя. По ночам была слышна канонада. Эта немецкая авиация бомбила Севастополь. Была объявлена всеобщая мобилизация. Отца призвали в первые дни войны. Мы с беременной матерью провожали его летним тревожным вечером на фронт. В полной маскировочной темноте новобранцев погрузили в «теплушки» (так назывались переоборудованные для перевозки людей товарные вагоны) и повезли, а где-то через день, под Джанкоем эшелон разбомбила авиация. Очень много людей погибло. Отец получил жуткую контузию и после непродолжительного лечения его возвратили домой. А здесь его ожидала прибавка в семье – еще один родившийся сын.

За день до прихода немцев в город, его покинула местная власть. Начались беспорядки, грабежи и стрельба. Немцы вошли в город ночью при полном безмолвии населения. По брусчатой мостовой, центральной улицы Бахчисарая, шли колонны солдат и техники. Утром горожанам по громкоговорителям, установленных на машинах, объявили, что они должны соблюдать установленный комендатурой «орднунг» – порядок. За нарушение расстрел. Расправы начались незамедлительно. Я видел издали в центре города повешенных людей – то ли активистов, то ли партизан, но близко подойти мне не позволяла младшая сестра матери – тетя Маруся, которая взяла меня под свою опеку – мать была занята грудным младенцем и контуженным отцом. Но ее кураторство надо мной было внезапно прекращено: она через несколько дней попала в облаву, устроенную немцами в центре города, и в отместку за нескольких убитых партизанами немецких солдат, была задушена с другими пойманными в «душегубке» – так в народе назывались карательные спецмашины.

У матери была еще старшая сестра – Евдокия Ивановна. Жила с мужем и двумя сыновьями тоже в Бахчисарае. Мы часто приходили ним в гости и я играл со своими двоюродными братьями. Когда началась война, они уехали из Бахчисарая и пути наши разошлись. А нам тоже пришлось уезжать, но не по своей воле, а по принуждению.

С родителями, 1939г.

Отец

О нем надо рассказать особо. Звали его Трофим Васильевич. Родился в 1912 году в селе Коробкино, Курской области. После тяжелой контузии под Джанкоем он потерял речь и слух. Стал фактически глухонемым. А был он человеком недюжинной физической силы. Помню, еще до начала войны, пятилетним ребенком мать отсылала меня к нему на работу с туеском, в котором был уложен нехитрый его обед. Я подолгу мог смотреть как отец с напарником «распускали» по длине огромные бревна на доски. Раньше пилорам не было и доски получали вручную. Бревно укладывалось на высокие козлы, закреплялось, затем пилилось длиннющей пилой с двумя ручками по концам двумя рабочими. Один стоял на козлах вверху, а другой внизу. Сейчас я могу представить какой это был тяжелый труд, а тогда мне нравилось смотреть как опилки словно снежинки кружились вокруг этих козел и падая на землю, образовывали мягкие пушистые горки.

После оккупации Крыма немцами, несмотря на то, что мы с соседями татарами жили дружно, их политическое руководство начало очень настойчиво предлагать русским выезд в другие оккупированные районы. Мы уехали на Украину в село Троицкое, Мелитопольского района к родителям матери. Всю оккупацию отец проработал в сельской кузнице подручным кузнеца – молотобойцем. Деревня без кузницы – что птица без крыльев. Кузница в нашей деревне была одна на три других небольших деревеньки.

Кузнец в деревне лицо уважаемое и неприкосновенное. Ни немцы, ни полицаи кузнецов не притесняли. Я очень часто приходил в кузню и наблюдал как отец тяжелым молотом бил по раскаленной заготовке в то место, куда указывал кузнец своим маленьким молоточком. Готовые топоры, лопаты, подковы опускали в чан с водой. Эту процедуру я особенно любил смотреть. Еще мне нравилось смотреть, как отец подковывал коней. Немцы часто заставляли кузнецов подковывать своих лошадей. Большинство лошадей стояли смирно, когда им отрывали старые изношенные подковы и прибивали новые, но были лошади и очень нервные. Чтобы их подковать нужна была большая сноровка и сила.

Несмотря на то, что вокруг шла жестокая война, мы со своими сверстниками – ребятней нашей улицы, часто играли в войну. «Стреляли» в своих противников из деревянных ружей и пистолетов. У меня был деревянный пистолет, покрашенный черной краской, и я гордо носил его на перекинутой через плечо бечевке.

Однажды, когда наша деревня уже стала прифронтовой и немцы готовились к отступлению, я разгоряченный очередной игрой, выскочил из калитки на улицу, а по ней шли два немецких офицера. Не знаю почему, я своим «пистолетом» прицелился в них и стал «стрелять». Дальнейшее хорошо запомнил. Один из офицеров, увидев наведенный на себя деревянный пистолет, начал расстегивать кобуру своего пистолета, товарищ схватил его за руку и между ними завязалась борьба. Этим воспользовалась моя бабушка, сидевшая на лавочке у калитки. Она схватила меня и мигом затащила во двор. В тот день моя задница была исполосована отцовским ремнем, а пистолет благополучно сгорел в печи. Родителей матери я плохо помню. Дедушка болел и лежал в постели. Бабушка была очень доброй ко мне, рассказывала сказки, подкармливала меня краюшками хлеба, который пекла в огромной печи, стоящей во дворе. Фактически она не растерялась и увела меня от беды. Во время освобождения деревни от немцев наступающими частями Советской Армии снаряд, не известно с чьей стороны, угодил в дом родителей. Не успевшие спрятаться в погреб дедушка с бабушкой погибли, а мы, сидевшие в погребе, уцелели. Тогда много деревенских жителей пострадало. Были убитые и раненые.

Слух к отцу возвратился полностью, но речь его понималась с трудом. Как только село было освобождено, отец вместе с кузнецом, который был нашим соседом по дому, ушли

на войну и служили вместе. Сосед часто присылал письма в отличие от отца, который, видимо, не любил писать. Мы с матерью ходили к соседке слушать их. Солдатские письма приходили не в конвертах, а писались на листе бумаги. Затем этот листок складывался треугольником так, чтобы на чистой стороне можно было написать адрес получателя и отправителя. Адрес отправителя обычно состоял из номера войсковой части. Марок не было, зато стоял штамп о проверке цензурой. Сосед описывал солдатские будни. Писал, что в рукопашных схватках мой отец не раз выручал его и других своих товарищей в трудных ситуациях, наводя ужас своей силой на фашистов. Очень уж заметной фигурой он был. Однажды соседка сама пришла к нам и со слезами на глазах дала прочитать письмо матери. Я запомнил на всю оставшуюся жизнь фразу из письма: «А Трохыма вбыв снайпер. Куля попала в лоб и вырвала потылыцю…»

Отец погиб первого февраля 1944 года, провоевав всего несколько месяцев, но принял смерть как настоящий воин – лицом к врагу, а 16-го февраля родился мой третий брат Иван. Я дату его рождения запомнил очень хорошо. Накануне несколько дней шел мокрый липкий снег, забивавший единственное в нашей времянке окошко большими хлопьями, отчего дневной свет слабо пробивался в нее. Мать лежала на кровати и когда начались предродовые схватки, отослала меня за бабкой-повитухой, которая жила очень далеко от нас. Я бежал по центральной деревенской улице, проваливаясь по грудь в сугробы, которые очень тормозили мое движение, но успел привести повитуху до начала родов. Они прошли благополучно. В дальнейшем времени, когда Иван был в детском доме, в документах ему поставили дату рождения 16 августа, что не соответствует действительности, но, как говорится, нет худа без добра – теперь он на полгода стал моложе.

С наступлением весны в освобожденном селе Троицком начал образовываться колхоз, но мать работать в нем не могла из-за грудного ребенка и еще двух малолетних детей. Дом родителей матери был разрушен, и мы жили во времянке у соседей, что очень угнетало мать и она решила уехать в только что освобожденный Крым.

Мать

Ее звали Ефросинья Ивановна. Девичья фамилия – Волобуева. Родилась в 1917 году в селе Троицком. Вернулись мы в начале лета 1944 года в свой дом в Бахчисарае. Мать оказалась, как говорится, связана по рукам и ногам детьми: мне, старшему – восемь лет, среднему – три и младшему четыре месяца. Детских садов, а тем более, яслей, в городе не существовало, и ей пришлось найти работу не по специальности: она устроилась работать уборщицей в райисполком. Вставала в пять часов утра и пока мы спали, шла на работу – убирать кабинеты.

Зарабатывала она немного, но нам помогала назначенная пенсия за погибшего отца, правда, она тоже оказалась не Бог весть какая. К тому же у нас во дворе имелся небольшой огород, где помимо всего прочего росли лебеда и крапива, которые мы использовали для варки зеленого борща. Хлеб выдавали тогда еще по карточкам. Нам полагалось на семью один килограмм, четыреста пятьдесят граммов черного, не очень качественного хлеба. Из пункта раздачи хлеба я бережно нес наш паек домой, но соблазн откусить кусочек был так велик, что я порой не выдерживал искушения и приносил паек обкусанным со всех сторон. Мать меня слегка бранила, но никогда не уменьшала мою долю хлеба.

Тут подошла осень и мне нужно готовиться идти в первый класс. Ни учебников, ни тетрадей не было. Мать насобирала на работе выброшенных использованных листов бумаги, на обратной их стороне карандашом начертила косые линии, клеточки, сшила нитками по 12 листов и получились тетради. С чернилами проблем не было. Их мы носили в школу в специальных чернильницах – «невыливайках». Проблемы оказались с перьями. Они ценились на вес золота. Самые популярные назывались «рондо» и были большой редкостью. Букварь в школе выдавали один на троих, живших по соседству таких же первоклашек. Одноэтажная начальная школа размещалась в пределах пяти минут бега от нашего дома, что меня очень устраивало. Наш класс окнами выходил прямо на школьный огород, и мы осенью частенько незаметно для учителя через окна совершали набеги туда, опустошая капустные и морковные грядки.

Осенью голода не чувствовалось. Вокруг росли леса с зарослями кизила и лещины. Яблоки и груши созрели в покинутых татарами садах. Где-то их охраняли, но в большинстве они были без охраны. Мы с матерью старались запастись на зиму этими дарами природы: резали яблоки и груши и сушили на своем огороде. Как известно, татарское население оказалось репрессированным и высланным из Крыма, а их дома в большинстве оставались пустыми. Мы там находили брошенные вещи, мать их стирала, и мы донашивали все, что можно одеть.

С обувью было трудней. Однажды мы нашли в каком-то доме несколько кусков выделанной толстой кожи. Мать пошила себе и нам из нее, так называемые постолы – это примитивная обувь из куска кожи, стянутая по краям кожаной лентой и завязывающаяся на щиколотке. Это случилось где-то в январе, а до этого я из-за отсутствия обуви, в школу ходил частенько босиком. Мне очень нравилось по пути в школу голой пяткой разбивать тонкие льдинки на замерзших лужицах. А в классе я отогревал ноги у печи. В школе центрального отопления не было. Печи топились дровами или углем и устроены они были весьма оригинально. Одна круглая, в виде афишной тумба на два смежных класса. Половина диаметра в одном, половина в другом. В нашем классе в печи была дверца, в которую учитель периодически засыпал совком уголь из стоящего рядом ведра.

Известие о Победе мы услышали утром солнечного дня 9 мая. Люди обнимались, целовались, на улицах было шумно и весело, где-то играл духовой оркестр… Через некоторое время соседки – материны подруги, стали бегать на вокзал и встречать поезда с возвращающимися с войны солдатами. Только наша мать никуда не бежала, а тихо плакала, отворачивая от нас лицо… А солдаты возвращались. В основном, демобилизованные по причине тяжелых ране-

ний. Вернулся и наш сосед татарин. У него была прострелена правая рука, висевшая беспомощно вдоль туловища. Мы с матерью очень сочувствовали его горю, когда он плакал во дворе пустого дома своих родителей, попавших под репрессию.

Первый класс я закончил, как говорится, ни шатко, ни валко. Братья подросли и мать стала доверять мне их опеку, уходя на работу. Лето в предгорья Крыма приходит рано. В конце февраля зацветают абрикосовые и миндальные деревья, а в мае появляются зеленые плоды абрикосов. Понятное дело, в пределах нашей досягаемости созревать они не успевали. Зеленые абрикосы заменяли нам порой завтрак и обед. Затем наступала очередь шелковицы. Она нескольких сортов. Ранняя, более мелкая и приторно сладкая, но есть особенная, поздняя. Она черного цвета, очень крупная и сочная. Когда наступала пора ее созревания, то я брал с собой братьев и шли мы к подножью северного скалистого склона бахчисарайского ущелья. Там, в основном, деревья этой шелковицы и росли. Усаживал под деревьями братьев и лазил по веткам собирая урожай. Наедались до жуткой оскомины на зубах. Вся бахчисарайская ребятня в этот период времени была измазана трудно смываемым соком этой шелковицы.

Северный склон бахчисарайского ущелья

Зиму 1946 года мы встретили в голоде и холоде. Запасы сухофруктов закончились. Есть постоянно хотелось. Теплая одежда, которую мы нашли в татарских домах, была ветхой и уже износилась. Иногда нам доставались по распределению властями города, так называемые, «американские подарки» – продуктовые пакеты. Они содержали, в основном, консервы, галеты (род печенья) и сало шпик. Мы старались растянуть подольше эти деликатесы. Погреб у нас отсутствовал. Да он вообще-то был и не нужен. Продукты у нас долго не хранились – мы все съедали за два-три дня. Но то, что оставалось, приходилось хранить в тщательно запираемом ящике стола или подвешивать на проволоке к потолку. Эта мера была вынужденной, потому что в окрестных домах, и в нашем тоже, обитали полчища крыс. У нас была кошка Мурка. Она считалась полноправным членом семьи, и мы старались ей выделять ее долю продуктов. Каждую ночь она душила две – три крысы, мы залечивали её раны, полученные в битвах с пацюками (так украинцы называют крыс). Но однажды нашли её мертвой – пала в неравной схватке.

И тут мать задумала уехать в Курскую область, в село Коробкино, где жили родственники отца. В этом селе, оказывается, Таратухиных – полным-полно и почти все приходятся нам родственниками. С голоду, посчитала мать, умереть не дадут. Видя, что нам «приходят кранты», мать собрала в узел все нехитрые наши вещи, взяла на руки младшего Ивана, дала нам со средним Владимиром нести узел, и пошли мы на вокзал, оставив свой дом с заколоченными досками окнами и дверью.

Денег на билеты до конечной станции, сейчас вспоминаю, у нас не хватало. Покупали до ближайшей недорогой билет, чтобы попасть в вагон, а далее следовали «зайцами». Нас, естественно, в пути два раза вылавливали и высаживали. Последний отрезок пути нам нужно было проследовать до города Льгова Курской области. На вокзале, не помню какой станции, мать стала спрашивать у железнодорожников: «Как попасть в поезд, идущий на Льгов»? Скорее всего, ее не поняли и указали на поезд, идущий на Львов. Сердобольные проводницы успели затолкать нас в вагон уже отходившего этого поезда, и мы поехали. На этот раз никто у нас билетов не спрашивал, никаких контролеров в пути не встретилось. Ехали около двух суток. В пути нас проводницы подкармливали продуктами из своих небогатых рационов. Мать, разморенная теплом вагона, ехала в полудреме с ребенком на руках и только на вторые сутки поняла, что едем не туда. Но махнув рукой сказала: «Будь, что будет».

Вышли на вокзале во Львове и пошли в зал ожидания поездов. Не знаю, сколько ночей мы там провели. Милиционеры проверяли у матери документы, но из вокзала не удаляли, как других бездомных. Видимо, чувство сострадания брало верх над «буквой Закона». Мать стирала детские вещи в туалете и сушила их на батареях отопления. Некоторое не очень продолжительное время нам удалось ночевать в комнате матери и ребенка.

А с наступлением каждого утра мы всегда шли на рынок и там побирались. Хотя, слово «побирались» будет не совсем верным. Точнее можно сказать – работали, а это совсем не то, что тупо просить милостыню. Это пришло матери в голову после того, как мы увидели играющего уличного скрипача, которому прохожие в футляр от скрипки клали мелочь. Она решила, что и мы сможем таким образом «зарабатывать». Как это происходило у нас? Львов – это европейский город и рынки там отличались от большинства российских своей чистотой и ухоженностью. В большинстве они были крытыми. Мы приходили на рынок, мать усаживала среднего Владимира на подстилку, давала ему на руки двухлетнего Ивана, а сама вместе со мной становилась рядом, и мы начинали петь.

Мать отличалась феноменальной памятью, в ее репертуаре имелось множество украинских, русских и даже татарских песен, не говоря уже о песнях о войне. Начинали, как всегда, с песни из западноукраинского фольклора:

«*Дай же, дивчина, руку на прощаня: можэ останний вжэ раз. Пришла хвылына – час идты до бою – мусю сполняты приказ…*». Народ из любопытства останавливался, вокруг нас собиралась толпа. А мы продолжали: *«Йихав козак за Дунай, казав дывчино прощай…»*. Наши голоса с матерью сливались в один, но пели мы не в унисон – я ей, как она меня учила, «*вторил*» (скорее всего в терцию). Особенно мне это удавалось в песнях: «Ой, на гори та жницы жнуть, а по пид горою, яром – долыною козакы йдуть…» и в веселой – «Ой, дывчино, шумыть гай – кого любышь – вы-и-бырай!» Но в грустных украинских песнях мать переходила на сольное исполнение. У нее был высокий, сильный и очень красивого тембра голос. Скорее всего, это было сопрано, как я сейчас думаю. Вместе с моим детским альтом это, наверное, вызывало восхищение у слушателей.

Но когда она пела сама, лично у меня, как говорится, «пробегали мурашки» по коже: *«Ой, нэ свыты, мисяченько, нэ свыты ни ко-о-о-о-му…»*. Её голос главенствовал в шуме базара, плыл над толпой и уносился к сводам крыши. Она пела о трагической любви, о разлуке с милым и такая тоска была в ее голосе, что никто не проходил мимо равнодушно. Даже пожилые гуцулы, приезжавшие на рынок из горных селений, останавливались и слушали. А я смотрел на их красиво расшитые меховые безрукавки из овчины и думал: «Вот бы мне такую». Мое старенькое штопанное перештопанное пальтишко меня совсем не грело. Затем мать переходила к другим украинским песням с более оптимистическим содержанием, но тоже очень грустным: «*Стоить гора высокая, а пид горою гай…*». А заканчивала всегда одной и той же песней: *«Ничь яка мисячна, зоряна, ясная – видно хочь голки сбырай, выйды коханная хочь на хвылыночку…»*. Когда она отдыхала после исполненной песни, вступал в сольное пение я. Не знаю – хорошо

я пел или плохо, но точно знаю – громко. Во всяком случае, галдеж воробьев, которые стайками носились между прилавками торговцев семечками и зерном, я заглушал своим простуженным голосом: *«По полю танки грохотали, танкисты шли в смертельный бой, а молодого командира несли с пробитой головой…».* Я знал тоже много песен и военных, и тюремных: «*Я помню тот Ванинский порт, и вид пароходов угрюмый, как шли мы по трапу на борт в холодные, мрачные трюмы…».* Особенным успехом у слушателей пользовалась старинная песня: *«В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла, своему родному сыну передачу принесла. Передайте передачу, а то люди говорят, что по тюрьмам заключенных сильно голодом морят…».* Видимо, эта песня была близка многим по своему содержанию. Время было такое.

Конечно, у большинства людей эта картина: мать с тремя детьми – вызывала сострадание, и они жертвовали нам и деньги, и продукты. Но находились и такие, которые допытывались: «Москали…?» Мать отвечала: «Цыгане». Как сейчас помню, мать говорила: «маскируемся под цыган». Это не вызывало сомнения потому, что уж очень пестрой выглядела наша татарская одежда, которую мы донашивали второй год. Но с цыганами нам пришлось все же познакомиться. Видимо, вокальные данные матери не остались ими незамеченными. Они восхищались ее голосом и пригласили в свой хор. Это были добрые цыгане. Нас они не обижали, с их детьми мы быстро подружились, а мать отрабатывала «свой хлеб» в цыганском ансамбле. Цыганки быстро обучили мать гадать на картах. Нам осложнял жизнь языковой барьер. Цыгане кроме своего цыганского, хорошо владели и местным – непонятно каким языком, напоминавшим украинский, но с примесью польских и венгерских слов. Русским языком они не пользовались.

С цыганами мы попали в город Жовкву, сейчас он называется не так, расположенный в 40 километрах от Львова. Голода там не было. С цыганами мы расстались (мать отказалась кочевать в Румынию), обосновавшись в пустующей квартире на окраине городка. Мать за время пребывания у цыган с успехом окончила «цыганский факультет» и мы с нею ходили по окрестным селам, вполне профессионально предлагая свои «актерские» услуги. В некоторых домах нас гнали прочь, иногда травили собаками, но в большинстве кормили и даже пускали на ночлег, при этом мы заметили, что чем богаче дом, тем хуже к нам отношение. В одной из крупных деревень мать нанялась штукатурить дом, а специалистом она была хорошим. Хозяин оказался председателем сельхозартели и уговорил ее остаться работать у них, предоставив пустовавший домишко.

Сейчас, когда много говорят о Ванге, я вспоминаю о матери. Была ли она экстрасенсом, сказать не могу, но было что-то у нее от магии. Она гадала на картах не хуже цыганок. Слава о ее способностях предсказывать судьбу, а также узнавать, жив или умер человек, на которого раскидывались карты, быстро облетела все окрестные села. Её даже испытывали несколько раз, подсовывая фотографии умерших людей с просьбой узнать их судьбу. Но ни разу она не ошиблась. Очереди к ней собирались огромные. Особенно укрепилась за ней слава предсказательницы. Однажды, когда она, видя, что сосед грузит мешки с пшеницей на телегу и собирается на мельницу, сказала: «Грицько, не надо сегодня ехать. Там будет, я так вижу, большая беда». Григорий послушался, а вечером пришла весть о том, что бандеровцы у млына (мельницы) постреляли многих селян и забрали муку.

Денег мать за гадание не брала. От продуктов не отказывалась. Жили мы в этой деревне по 1949 год. Я ходил в украинскую школу, где все говорили только на украинском языке. Но внезапно все изменилось. Мать затосковала по Родине, и мы вернулись в Крым в свой дом в городе Бахчисарае, где она и умерла через пять лет от рака. Но если говорить честно, то, когда мы вернулись домой, мать рассказывала, что тоска по Родине у нее была, но не столько сильной, чтобы собрать вещички и в спешке убежать из этого села. Дело в том, что погадать на картах к матери часто прибегали жены бандеровцев, скрывавшихся в окрестных лесах. Они матери по секрету рассказывали о намерениях своих мужей. Видимо, так было и с мельницей.

А когда одна из них рассказала о намерениях «лесных братьев» вырезать всех русских, живущих в районе, то приняла это решение.

Умирала она очень тяжело. Последний месяц жизни находилась в бахчисарайской городской больнице. Когда медсестра сказала мне, что жить матери осталось несколько часов, я забрал из детприемника (в то время так назывались учреждения, распределяющие по детским домам беспризорных детей) своих братьев и привел их в палату к матери. Она была в беспамятстве, но, когда мы окружили ее постель, она вдруг открыла глаза и маленькие две слезинки покатились по впалым ее щекам. Она молча смотрела на нас, а потом жилка на ее шее перестала пульсировать. Я сказал тогда братьям, что мы теперь круглые сироты… Но, как оказалось, я все же ошибался.

Подхватил туберкулез
Зараза

Вернулись мы в Бахчисарай, где мы отсутствовали целых три года. Дом наш благополучно пережил отсутствие хозяев, но встретил беглецов осенней прохладой. Особенно холодно было ходить по глиняному полу – деревянный так и не успели до войны родители настелить. Мать задумала сложить в доме русскую печь с лежанкой для всей семьи. Помимо штукатурной работы она знала печное дело и могла сложить самую замысловатую по конструкции печь. Но для это цели нужен был кирпич, а в условиях нашего города – это почти непреодолимая задача. В Крыму в то время основным строительным материалом был инкерманский белый камень и ракушечник.

Бросились мы на поиски дефицитного кирпича. И представьте себе – нашли! Но для этого нужно было разобрать сарай в пустующем татарском дворе. По большому счету нужно было совершить мародерство. Но что нам оставалось делать? Замерзать или соблюдать приличие? Следуя заветам Ильича, мы пошли «другим путем», образовав организованную преступную группу в составе четырех человек. В течение недели, по ночам мы крушили сарай и таскали кирпич. Устали до чертиков, но мать приступила к кладке печи.

Я, конечно, ей помогал. И вскоре вся наша семья блаженствовала на огромной теплой лежанке. С дровами особых проблем мы не ощущали, но иногда я и мать ходили в ближайший лесок за сушняком, а когда нам выделили тонну угля, то жизнь вообще стала замечательной.

Но не долго пришлось мне нежиться на теплой печи. Стал я подозрительно покашливать и температурить по ночам.

– Ну-ка подойди ко мне, дружочек, – ласково сказала мне пожилая врач-терапевт, когда мать привела меня в городскую поликлинику, – раздевайся. Теперь дыши глубже. Не дыши. Опять дыши…

Она долго выслушивала мои легкие трубочкой под названием стетоскоп, выстукивала по моей груди и бокам пальцами и поставила неутешительный диагноз: туберкулёз! Он подтвердился рентгеном и анализом мокроты.

Определили меня на лечение в симферопольский детский противотуберкулезный диспансер, где стали интенсивно пичкать лекарствами, а когда я пошел на поправку, направили на долечивание в детский санаторий в Ялту. Там я пробыл два месячных срока. Иногда вспоминаю эти два месяца в Ялте и память уносит меня в это прекрасное время. Да, именно прекрасное, несмотря на смертельную болезнь!.. Забота персонала, хорошее питание и самое главное, обстановка – способствовали выздоровлению.

В санатории палаты девчонок и мальчишек были на разных этажах, но все культурные мероприятия проводились совместно. Часто нас водили на экскурсии. Были мы доме-музее А. П. Чехова. Его жена Ольга Леонардовна рассказывала нам о жизни Антона Павловича, показывала его личные вещи. Больше всего меня поразила его библиотека. Столько книг я никогда не видел. Наверное, после этого у меня появилось желание читать, превратившееся в страсть.

Водили нас по утрам к морю. Поскольку наш санаторий находился на окраине города и до городского пляжа было не меньше двух километров, то мы приходили на пляж, находившийся рядом. А это был «лечебный» пляж. В центре его под большим цветным зонтом всегда сидела за столом медсестра в белом халате, что не очень гармонировало с окружающими, которые были в костюмах Адама и Евы. Сейчас такие пляжи называются нудистскими, а тогда мы такого слова даже не знали. Справедливости ради, надо сказать, что этот пляж имел условную границу, разделявшую его на две половины: мужскую и женскую. Но нарушители этой границы, как с той, так и с другой стороны, не подвергались немедленному выдворению. Они

спокойно могли дефилировать между голых тел, как в одиночку, так и парами, не признавая никаких кордонов.

Я был в старшей группе, и мы, четырнадцатилетние подростки, – уже кое – какие понятия о различии полов имели. Но видеть совершенно голых мужчин и женщин, непринужденно общавшихся между собой, как ангелы в раю – было большим интересом для нас. Нас всегда приводили, девчонок и мальчишек отдельно, на свои половины и там мы принимали солнечные ванны, купаться нам не разрешали, но побегать по мокрому песку у самой воды было можно. По вечерам мы пели пионерские песни, играли в какие-то игры. Там я признался в любви одной девочке, она сказала, что меня тоже любит. Не помню, целовались мы или нет. Скорее всего – нет. Туберкулезным это делать нельзя. Но на экскурсии мы всегда ходили рядом, взявшись за руки, а вечером перед сном всегда желали друг другу спокойной ночи.

Выписали меня поправившимся и окрепшим. Лечащий врач, молодая симпатичная женщина провела со мной напутственную беседу:

– Длительное пребывание на солнце исключить, ни в коем случае не купаться в море, – говорила она, – питаться разнообразно и калорийно…

А я смотрел на ее грудь под белым халатом и представлял ее на этом «лечебном пляже» голой. Гены начинали буйствовать, что свидетельствовало о выздоровлении.

Пока я поправлял пошатнувшееся здоровье в санатории, мать переехала в Балаклаву и стала работать на железной дороге стрелочницей. Жилье ей предоставили в семейном общежитии в отдельной просторной комнате. Я быстро подружился с местной ребятней и все лето наплевательски относился к рекомендации врача, играя в футбол и часами пропадая со своими братьями на берегу моря. Туда мы попадали, минуя разрушенную временем Генуэзскую крепость, стоящую на вершине скалистой гряды. Сам я научился плавать давно, но и братьев научил сносно держаться на воде. Правда, что касается калорийной пищи, то здесь я следовал предписанию врачей – питался калорийно, но не очень разнообразно. Килограммами ел мелкую морскую рыбку, которую мать покупала у местных рыбаков. Местные жители приходили на пирс и встречали разгружающиеся рыбацкие баркасы. Некондиционную мелочь рыбаки тут же ведрами очень дешево продавали населению. Это нас сильно подкармливало. Но особым деликатесом для нас была черноморская акула – катран. После каждой своей получки мать ходила со мной на рынок, и мы там покупали куски этой рыбы. Мясо очень сухое, но если его жарить на ее собственном жире, которого было достаточно в ее печени, то это было очень вкусно.

И, конечно же, безотцовщина не могла не сказаться на моем воспитании. Я был довольно хулиганистым и шкодливым подростком. Рогатка из красной резины американских автомобильных камер всегда болталась на моей шее, и я из не «стрелял» по любой цели. Мать с утра до вечера на работе, младший Иван в детском саду, а мы со средним Владимиром оказывались предоставлены самим себе. В августе на виноградниках пригородных совхозов созревали ранние сорта винограда, и мы совершали туда набеги. Охранялись эти виноградники очень серьезно. Помимо сторожей там были и конные объездчики. Иногда нам удавалось безнаказанно полакомиться добычей, но однажды меня поймал объездчик и жестоко отхлестал кнутом. Все было бы, как говорится, поделом. Но он отобрал у меня новенькую фуражку-семиклинку, которую купила мне мать для защиты от солнца. Я его умолял вернуть ее, но тщетно. И это могло стоить ему жизни. Да, да – не удивляйтесь! В окрестностях Сапун-горы в Отечественную войну были ожесточенные сражения за Севастополь. В оставшихся траншеях и окопах балаклавские мальчишки откапывали порой страшные находки. Сколько моих сверстников здесь погибло и сколько осталось калеками – точно сказать не могу. У многих имелось разное оружие. Лично у меня был автомат ППШ абсолютно боеспособный. Я из него пробовал стрелять по бутылкам и весь запас патронов израсходовал. Смазанный и почищенный он у меня лежал в подвале дома. И если бы я нашел еще патронов к нему, а это было делом вре-

мени, то неизвестно чем бы вся эта история с объездчиком закончилось. Было у меня тогда несколько штук гранат. Мы их называли «лимонками», но бросать гранаты я побоялся из-за возможности убить еще и лошадь. Она ведь была ни в чем не виновата.

Когда мать узнала при каких обстоятельствах я лишился новенькой фуражки, то взяла меня за руку, и мы пошли в правление совхоза. Там мы ничего не добились. Над нами еще и посмеялись. Это укрепило мое решение отомстить объездчику. Я рассказал об этом матери. Мать страшно возмутилась:

– Разве стоит человеческая жизнь какой-то тряпки? Пусть он ею подавится. Убить человека, а потом всю жизнь носить на себе этот грех… А если у него есть дети и они останутся без отца? Нам хорошо сейчас без отца?..

Это на меня сильно подействовало. Пришлось доставать из подвала автомат и гранаты. Мать отнесла их в милицию. Там к таким находкам были привычны и лишних вопросов не задавали.

«Отца убила война окаянная, а мать от горя и досады умерла…» Песня

Осенью 1951 года мне надо было получить для школы справку о состоянии здоровья. Рентгенолог в Севастополе долго сравнивал мои старые снимки с новыми и сказал, что очаги туберкулеза закальцинировались и угрозы для здоровья он не видит. В школу меня допустили. В городе была прекрасная школа со своим стадионом, где помимо волейбольной площадки было и футбольное поле на котором разгорались нешуточные баталии между классами. Мой 5 «А» частенько выходил победителем даже в игре со старшеклассниками. В пятом классе я полюбил математику, и эта любовь осталась у меня к ней на всю жизнь. Я хорошо помню учителя. Он был инвалидом. Невысокого роста из-за горба, но с удивительно громким, низкого тембра голосом. Он оказывал на класс магическое влияние, когда все математические формулы заставлял нас хором повторять за ним: «Чтобы дробь на дробь разделить, нужно числитель первого числа умножить на знаменатель второго и поставить это в числителе, а числитель второго на знаменатель первого и поставить это в знаменателе нового числа»… Правда, в классе находились шутники и на переменках, подражая учителю скандировали: «Чтобы дробь на дробь умножить надо зубы растревожить, нос в лепешку превратить и затылок сократить». Но все мы очень любили нашего учителя математики и в классе не было двоечников по этому предмету.

А русский язык мне давался с большим трудом, видимо, повлияло обучение в украинской школе. Зато немецкий язык я знал лучше всех в классе. Учительница меня хвалила за произношение и словарный запас. Ну, конечно, я более двух лет слушал в оккупации этот язык, и он мне крепко врезался в память!

В Балаклаве нам жилось очень хорошо. Мать работала посменно на балаклавской железнодорожной станции. Эта станция обслуживала горнодобывающую промышленность страны. Три, а то и четыре раза в сутки, в прилегающих к городу возвышенностях гремели взрывы. Это шла добыча карьерным способом известняка – важной присадки, так называемого флюса, для доменных печей. Матери работа нравилась, но тут вдруг поступил приказ о переводе её по производственной необходимости на полустанок в семи километрах от Балаклавы. Железнодорожная линия была одноколейной и на этом полустанке встречные поезда разъезжались. Жилье нам предоставили в деревянном бараке. Большая однокомнатная квартира без всяких удобств. Кухня на четыре семьи. Вода в колодце. Туалет на улице. Работа у матери тоже стала адской. Нужно было бегать по двести пятьдесят метров от одной стрелки к другой чтобы поезда смогли разойтись.

А мне теперь надо было ходить в городскую школу по четырнадцать километров в день. Мой шестой класс учился во вторую смену. В школу я иногда добирался на товарняке, а обратно шел пешком. Зимой в полной темноте по шпалам в любую погоду. К полустанку прилегал небольшой поселок, в котором была четырехлетняя начальная школа, куда ходил мой средний брат во второй класс. Естественно, мать долго такие условия жизни вытерпеть не смогла. Как только в школах закончились занятия – она уволилась, и мы вернулись в свой дом. Но тут же мать устроилась в строительную организацию работать штукатуром, и мы переехали в поселок Верхне – Садовое к месту ее работы. Строились одноэтажные дома для переселенцев в Крым из средней полосы России. Нужны были крестьяне для работы в садах на замену выселенным татарам. Как выяснилось позже, приезжавшие не имели никакого понятия о садоводстве и сады пришли быстро в упадок.

Проработала мать до августа 1952 года и стала чувствовать себя очень плохо. Уволилась. Все время она жаловалась на боли в желудке. Не знаю, что доконало мать: то ли плохое питание, то ли тоска по нашему отцу? Все время она жаловалась на боли в желудке. Рентген желудка долго не делали по причине отсутствия бария – контрастного вещества, а когда сделали, то отправили в Симферополь на операцию.

Я перешел учиться в вечернюю школу и поступил работать, став кормильцем семьи. Мать после операции прожила более года. Никаких обезболивающих лекарств ей не выписывали, и она страдала от нестерпимой боли. Только когда положили в городскую больницу, то стали колоть лекарства на основе морфия. Похоронить мать мне помогла моя артель, в которой я работал. Братья оказались в детдоме поселка Танковое, что в 20 километрах от Бахчисарая. Я часто их навещал, и мы уходили купаться на речку Бельбек. Наш путь проходил через яблоневые сады, где созревали удивительно вкусные яблоки сорта «Кандыль», которых я нигде, кроме как в Крыму, не видел.

Судьба играет человеком, а человек на гитаре
Мудрость

Итак, работать я начал с шестнадцати лет. Устроился на работу в сельскохозяйственную артель, занимающуюся переработкой фруктов и овощей, учеником бондаря. Учитель, а это был могучий, веселый дядька, бережно прививавший мне первые трудовые навыки. Он научил меня обращаться с инструментом, а в бондарном деле его предостаточно. К нему часто приходила дочь примерно моего возраста. Она приносила ему обед, который он делил со мной. Дочь мне очень нравилась. По моим понятиям она была просто красавицей. Я каждый день ожидал ее появления, но попыток сблизиться не делал. С ней у меня завязались очень дружеские отношения. Она сама захотела первой со мной заговорить:

– Здравствуй, ты такой смешной в этом фартуке. Как тебя зовут?

– Николай. А тебя?

– Меня зовут Оксана. Ты учишься у моего папы. Он тебя не обижает?

– Нет. А это ты печешь такие вкусные пирожки?..

Каждый день мы с нею находили общую тему для разговора, тем более, что она училась тоже в седьмом классе дневной школы. А я в вечерней.

После шестимесячного обучения я приступил к самостоятельной работе. Она мне была не в тягость, хотя, когда начинался сезон уборки урожая, а в Крыму это пять месяцев в году, была изнурительно тяжелой. Бочка в артели была основной тарой для упаковки продукции и бондарный цех, (да и другие цеха) работал по 12 часов в сутки. В подготовленные нами бочки заливалась сваренная фруктовая паста, в которую затем добавляли определенную дозу серного ангидрида – защиту от брожения. Закрывать такие бочки надо было максимально быстро чтобы не наглотаться вредных испарений. Работа эта требовала определенной сноровки. Ни в коем случае нельзя было провалить верхнее днище бочки в пасту, промахнувшись мимо паза в клепках. В этом случае, вынимать обратно вымазанное пастой днище и начинать все сначала было просто мучительно. Я очень долго не мог приспособиться, но однажды Оксана, наблюдая за моими мучениями, предложила простой способ.

«А ты попробуй забить парочку гвоздей в днище не глубоко, держись за них, как за ручку и вставляй дно», – сказала она, – а после гвозди вытаскивай».

Я попробовал и все пошло, как по маслу. Хотел поцеловать Оксану, но постеснялся отца, который появился внезапно рядом.

Готовую продукцию отправляли на конфетные фабрики. Работа производилась под открытым небом и здесь я приобщился к радио. Во дворе артели на столбе висел громкоговоритель, как его называли «колокольчик», и вещал он на полную громкость московскую программу. Думаю, что музыкальные передачи были бальзамом в мою отравленную серным ангидридом душу. Зато зимой наступал более спокойный период изготовления новых бочек. Здесь мой учитель приложил немало труда чтобы я познал все тонкости по обработке буковых и дубовых заготовок, называемых клепками, из которых, в конечном счете, получается бочка. Самый значительный инструмент в изготовлении бочек – «шмыга». Это установленный на небольшие ножки перевернутый лезвием вверх длинный фуганок. В столярном деле фуганком доводят поверхности плотно соприкасающихся деревянных деталей. В бондарном – «фугуют» клепки. Чтобы бочка получилась круглой, необходимо строго выдерживать угол наклона между клепками. Перепортил я немало клепок пока научился неплохо делать 200-х литровые бочки.

Проработав в артели около двух лет, я ушел работать в пожарную команду города. И, к сожалению, расстался с Оксаной. Эта работа меня устраивала больше. Сутки отработаешь, а трое дома. Да и в школу меня отпускали по вечерам, когда выпадало дежурить. Но были и пожары, и спасение людей из огня. В моем карауле были очень доброжелательные отважные

люди. Фамилия начальника караула была Моторный, но душой караула был водитель нашего пожарного автомобиля – пожилой еврей, со звучной фамилией – Боккал. Он знал множество анекдотов и смешных историй, и мы часто просили его рассказать что-либо из его жизни. Работать в пожарной команде было интересно. Начальник команды частенько по ночам проверял нашу «боеготовность», вызывая по телефону на условно горящие городские объекты. Но были и по-настоящему горящие. Наш автомобиль был снабжен баком для воды емкостью в два куба, и он всегда был полон. Но нашей гордостью был медный, начищенный до блеска колокол, висевший у кабины водителя. В него при езде по улицам города, обязан был колотить первый номер пожарного расчета. В любое время суток, бывало, наш окрашенный в красную краску автомобиль со звоном проносился по центральной улице Бахчисарая, но в боковые улицы мы въезжали весьма осторожно – очень уж они были узки, с крутыми подъемами и спусками.

А дальнейшая моя жизнь уже была не детской. Жить без семьи было тяжело, особенно в выходные и праздничные дни. В то время телевидения не было, радио к нашему дому проведено не было. Я смастерил детекторный приемник, который ловил одну единственную радиостанцию и сквозь писк и треск слушал музыкальные передачи. Думаю, что недостаток развлечений приносил определенную пользу – ничто не отвлекало от занятий в вечерней школе. Футбол в моей жизни тоже занимал заметное место. Первые бутсы мне выдали в городской команде. Они очень хорошо сидели на ногах и было так удобно в них бегать. Я самозабвенно отдавал себя тренировкам не только на стадионе, но даже на дежурстве, когда остальные члены караула «резались в козла» – я отрабатывал удары по мячу. Двор пожарной команды окружал с двух сторон высокий каменный забор и я, используя отскоки мяча от него, бил по нарисованным мной мелом на заборе воротам. Это привело к тому, что я редко промахивался уже в игре с соперниками.

Мой приход в гитару был весьма курьезным. Как-то я попал на концерт художественной самодеятельности студентов городского строительного техникума, где впервые, как говорится, вживую, услышал игру ребят на музыкальных инструментах. Это сильно затронуло дремавшую во мне любовь к музыке. Надо сказать, что родители мои были далеко не музыканты. Но мать была, как я уже говорил, певунья – знала множество украинских песен и часто пела нам, своим трем сыновьям, из которых я был старшим.

Так вот, после упомянутого мной концерта я серьезно решил научиться играть на… мандолине. В музыкальном магазине, куда я пришел, произошел примерно такой диалог с продавцом.

– Хочу купить у вас мандолину.

– Пожалуйста, только они у нас без медиаторов.

– А, что без медиатора играть на ней нельзя?

– Конечно…

Скажите, а на чем можно играть без медиатора?

– Да, вот на гитаре или балалайке…

Поскольку я понятия не имел, что такое медиатор, то купил гитару. Принес домой, прочитал инструкцию по настройке и задумался: с какой стороны грифа отсчитывать лады? И зачем эти беленькие кружочки на грифе? Друзья-знатоки все растолковали, а сосед, запойный алкоголик, научил играть первую пьесу: «Взяв бы я бандуру, та й заграв, що знав…».

Оказавшись в опустевшем своем доме с гитарой, я стал задумываться: что такое Судьба? Почему я выбрал гитару, а не балалайку? А потом мои размышления несколько расширились, и я задумался о судьбе матери. Почему она умерла молодой, прожив всего тридцать семь лет. И самое главное – почему я жив до сих пор, хотя моя жизнь могла оборваться несколько раз в одно мгновение? И тут я начал вспоминать случаи, когда Судьба меня уводила от неминуемой гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.